

—Вау, — пробормотал Горизонт с неподдельным благоговением, глядя на двадцатиметровые потолки. Мраморный пол, массивные плитки, выложенные золотом и платиной, которые вели вверх по стене и к потолку.

Массивная фреска с изображением ангелов, несущих божественный свет с небес, как будто они были здесь, чтобы спасти его.

Он осторожно шел за камердинером папы, рассматривая все возможные детали, по внутренним залам личного атриума Папы, где он проводил богослужения.

—Этот вид никогда не надоест, — сказал камердинер, пожилой джентльмен с седеющими волосами на голове. —Всегда так захватывающе.

—Богатство без границ, — сказал Горизонт, одетый в совершенно новый костюм-тройку. Белый с синей майкой и черным жилетом, куртка накинута на плечи, руки не в рукавах.

—Так вот что дают 2500 лет добровольного и невольного сбора дани у масс. Я впечатлен, — кивнул он в такт.

Камердинер бросил оскорбленный взгляд на Горизонт:

—Вот что дает вера истинно верующих, доктор.

—Верно, Ватикан наполнен золотом из-за веры, конечно... — Горизонт покачало головой и молча последовал за мужчиной.

После долгой и молчаливой прогулки они, наконец, прибыли в священные внутренние покои папы римского.

Открыв двери, камердинер ввел его в массивные покои, обшитые пурпурным и золотым шелком. Каждое приспособление выглядело так, как будто оно стоило бы небольшого состояния, потому что так оно и было.

Камердинер подвел его к кровати, и папа Валентин приветствовал его натянутой улыбкой. Его некогда яркий цвет лица теперь был пепельным и измученным. Кожа, свисающая с его тела, ясно показывает весь вес, который он потерял.

—Папа Валентин, — поприветствовал Лоу мужчину на безупречном итальянском, родном языке его отца.

Папа выглядел несколько удивленным этим.

— Доктор Горизонт, — он слабо кивнул. —Спасибо, что пришли.

Горизонт повернулся к камердинеру:

—Теперь ты можешь идти, все, что происходит дальше, остается строго между моим пациентом и мной.

Камердинер перевел взгляд с Горизонта на папу римского и получил кивок.

—Я буду снаружи, сэр, — кивнул он и вышел из комнаты.

Как только дверь за ним закрылась, Лоу немедленно открыл КОМНАТУ, на сотню метров во

всех направлениях вокруг себя он сканирует на предмет камер и самописцев любого рода, не обнаруживая их в личных покоях, но заметив, что охранники направляются сюда, чтобы занять позиции снаружи.

—Ого, много охранников, неудивительно, — сказал Горизонт, направляясь за стулом и ставя его у кровати папы Валентина. —Итак, ты читал специальный контракт? — небрежно спросил он.

—Ты не такой, как я ожидал, — сказал Валентайн. —Я всегда слышал, что ты строгий.

—Обычно, да, — пожал плечами Горизонт, — но я нахожу это забавным.

—Ты считаешь мое состояние смешным? — спросил Валентайн, не уверенный, что он должен чувствовать, решив остановиться на замешательстве.

—Нет, конечно, нет... О, извините, — сказал он Папе римскому. —Но я действительно думаю, что это немного иронично: ты проводишь свою жизнь, поклоняясь богу, а он помещает опухоль в ствол твоего мозга. И вдруг ты, человек, о котором говорят, что он обладает самым мощным целительским даром всех времен, оказываешься беспомощным и умираешь.

—Я не понимаю, как мое состояние может тебя забавлять, — спокойно отчеканил папа.

—Хорошо, хорошо, в контракте, который я составил для тебя, говорится, что с тебя взимается абсурдная сумма, которую ты уже заплатил - спасибо за это, кстати, - и я могу сфотографироваться с тобой, когда операция будет завершена, и рассказать миру, что я спас тебе жизнь. И ты никогда никому не расскажешь о том, что здесь произошло, верно?

"Верно", - кивает Папа.

—Итак, папа Валентин, что ты сделал для того, чтобы этот подлец в небе пустил опухоль в твой череп? — спросил Горизонт. —Я имею в виду, обычно он приберегает свой мелочный гнев для слабых и беспомощных, ему нравится смотреть, как умирают дети, но ты, его самый преданный раб, почему?

Валентайн сделал глубокий вдох, когда все начало складываться воедино:

—Я вижу, ты неверующий.

—Эх, — Горизонт пожимает плечами. —Даже если бы я действительно верил, любой может сказать, что церковь - это бизнес, и, кроме того, ты должен быть благодарен, что я не верю, если бы я верил, я бы позволил твоему богу поступать по-своему и просто оставил тебя умирать.

Лицо папы Валентина дернулось, ярость столкнулась со спокойствием. Он закатил глаза и сделал глубокий вдох, сосредотачиваясь на своих мыслях:

—Независимо от твоей точки зрения, доктор, я действительно надеюсь, что ты намерен выполнить свою часть сделки.

—О, не волнуйся, я спасу тебя, я никогда не нарушаю своего слова. Я просто хотел, чтобы ты знал, ты поклоняешься мстительному засранцу в небесах, который повернулся против тебя и пустил опухоль в твой череп, и я единственный, кто может спасти тебя. Я должен быть тем, кому должны молиться миллиарды людей, чтобы ты мог ограбить их. Я самое близкое к богу,

что ты когда-либо сможешь встретить. Я - твоя единственная надежда на спасение, я, Горизонт... Я единственный бог, который у тебя есть... — произнес его холодный, слегка механический голос, отчего по спине папы пробежала дрожь.

—Т-ты... — пробормотал мужчина с недоверием и ужасом. —Ты монстр, — сказал он тихим голосом, вся властность, с которой он привык говорить, теперь исчезла.

—Нет, — Горизонт встал и открыл свою сумку. —Я бог, но, конечно, ты подумаешь, что я монстр, ты никогда раньше не был так близок к нему...

---20 Минут Спустя---

—Хммм, — папа Валентин открыл глаза, чувствуя сонливость. Не усталый, как из-за болезни, а просто сонный. —Что?

—Наконец-то проснулся, ха, — сказал Горизонт, сидевшим в кресле рядом с папой римским.

—Как долго я спал? — спросил папа, даже не осознавая, что инстинктивно подвинулся, чтобы сесть, прислонившись к спинке.

—Двадцать минут, — пожал плечами Горизонт.

—Двадцать минут? Но, рак?

—Ушел, — он указал на прикроватный столик, папа повернулся и замер от того, что увидел: маленький шарик плоти размером с виноградину в чашке. —Твой божий дар тебе, я его сохранил в первозданном виде, — покачал он головой.

Папа римский смотрел на опухоль в течение нескольких минут, и пока он был этим занят, его тело слегка светилось, увеличиваясь до его обычной массы тела. Он больше не выглядел сморщенным, как изюм и снова приобрел некоторую округлость. Сила величайшей исцеляющей Причуды в истории, хотя рычание, исходящее из желудка папы Валентина, было совсем другой историей.

—Ну, это не заняло много времени, — хихикнул Горизонт. —Время для нашей фотографии, не волнуйся, мой аккаунт будет закрытым, пока я не буду готов к публикации.

Папа все еще находился погруженным в свои мысли, когда Горизонт приступил к фотосессии для своего аккаунта.

—Что ты сказал? —наконец спросил папа, выходя из оцепенения.

—Я сказал, что моя работа здесь выполнена, контракт завершен, я ухожу.

—А если появится новая опухоль? — спросил Валентин.

Горизонт пожал плечами:

—Контракт покрывал только одну, мне пришлось взять с тебя больше, чем с кого-либо другого, по... моральным соображениям. Риск разрушить работу твоего бога и получить за это наказание, — рассмеялся он.

Папа вздохнул, уже зная, что нет смысла спорить с ним.

—Я понимаю, но могу я задать один вопрос?

—Конечно, — сказал Горизонт.

—Почему ты никогда не спрашивал, верю ли я?

—На самом деле это довольно просто, — улыбнулся он. — Мне просто плевать, что ты думаешь, я просто нахожу всю эту ситуацию забавной.

—Ты действительно так думаешь?

—Да, и я уже знаю, что бог есть... Вот он, — он указал большим пальцем на себя.

Папа Римский в очередной раз были шокирован высокомерием одного человека:

—Ты хочешь стать богом, это твоя цель?

—Нет, я уже он... но кем я стану, так это героем.

—Герой...подожди минутку, ты ребенок?

Горизонт поднял палец к визору, призывая к тишине:

—Это сюрприз я хочу сохранить, пока не выйду на публику, давай оставим это между нами тремя, — он указывает вверх, на небеса.

Папа вздохнул и похлопал его по плечу:

—Сынок, я буду молиться за тебя, чтобы ты стал хорошим человеком и героем.

—Я совершенен, и твои молитвы бесполезны, если бы они могли сработать...я бы тебе не понадобился, побереги их для овец, которые следуют за тобой, — он повернулся на пятках и направился к выходу.

Когда Горизонт дошел до двери, папа только покачал головой и нахмурился.

Горизонт помахал рукой на прощание.

—Следующее чудо, которое я тебе продам, будет стоит вдвое дороже! И, может быть, подумай о том, чтобы повесить мою фреску на одну из этих стен, она подойдет к этому месту куда больше... — сказал он, прежде чем закрыть за собой дверь.

Когда он ушел, папа осеняет дверь крестом и произносит не очень короткую молитву – в тщетной попытке смирить эго ходячего чуда...